

П О Э З И Я

Вячеслав Кондратович

Из сборника "ТЕМНЫЕ КОРИДОРЫ"

...

Твое тело, как тлеющий факел
В легкой дымке ночных облаков,
Как корабль ложится на стапель
И уходит во мглу из стихов,
Чтобы там, над Гудзоном, Свобода
Распростерлась, как ты, в небеса.
И тревожный, как темный Обводный, ~~Мост~~
Жесткий гребень в твоих волосах.
И за шторой, где-то над садом,
В жутком отблеске звезд или люстр
Грубый крик безобразный с надсадом
И холодный безжизненный бюст.
Твои бедра, как трубы над градом.
Легким шелком струящийся дым.
И, бесстыдно застывший под взглядом,
Мрамор плеч за листвою гардин.
Твои груди, как груди созвучий,
Междометий, надрывов и "ах",
Словно проблеск за темною тучей,
Пробуждают надежду и страх.
И, как армия в дни катастрофы,
Твоя юбка сползает с колен.
Твои ноги — паденье Европы.
Твои руки, как лагерь и плен.
Твое чрево, как ворох пшеницы,
Горло, как Александрийский столп.
Твои чресла, как жаркая Ницца,
За границей платья и снов.
Твои волосы — толпы народа
С грязных простынь больших площадей,
Извиваясь, как женщина в родах,
Растеклись... Ты нигде!... Ты везде!

Она пришла ко мне в брезентовом костюме
 С глазами светлыми, блестящими, как сталь!
 Я полюбил ее, как узник мрачных тюрем
 Любил безжалостных, кричащих звонко "хайль!",
 Безумных женщин, белокурых фурий,
 Низвергнувших фривольность на панель,
 Где, твердый шаг печатав в карауле,
 Шли их избранники в грядущую ~~панель~~ шрапнель!

Её груди нескромный крематорий
 Сжигает губ безудержную страсть!
 Проказу чувств в постельный лепрозорий
 Приводит разума беспомощная власть!
 Забыть! Закрывать глаза! Из этих камер
 Уже не выйти!... В память павших снов
 Поставить крест... Вот сон ожил и замер,
 Став веренищем случайных, жалких слов...

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Когда среди приветливых гостей
 Я говорю с улыбкой дипломата,
 И голова болит от новостей,
 Я вспоминаю звук родного мата.
 Я вспоминаю очередь к ларьку,
 Людей усталых согнутые спины,
 Как исповедь, в которой не солгут,
 Их разговор, запутанный и длинный.
 Мне кажется, я тоже среди них,
 И говорит мне чей-то голос дальний:
 Давай, отец, раздавим на троих,
 И позабудем все свои печали.

Когда вдали от родины своей
 Я на прием иду персоной грата,
 Я вспоминаю холод лагерей
 И флягу ржавую, один глоток на брата.

Всё, как тогда. Машины волчий вой,
Ночами от которого не спится,
Прохожие, чужие, как конвой,
И проволока колючая границы.
Но не найдется среди них двоих,
Чтоб, как и там, они мне здесь сказали:
Давай, отец, раздавим на троих,
И позабудем все свои печали.

...

Вы говорите: Жизнь прекрасна!... —
К чему слова!? И так мне ясно,
Вы все приемлете, как есть.
Ну, хорошо, красиво это:
И герб, и флаг над райсоветом
На фоне голубых небес...
Но я и сам люблю безмерно
Призывов к счастью лицемерных
По-детски деланную спесь.
Приятно, выйдя поутру,
Читать газету на ветру,
Вдыхая нежных листьев лживость,
Шрифт свежий пахнет, словно жимолость,
А шорох так и тянет в лес,
Или, закрывшись в туалете,
Под шелест их мечтать о лете,
А там: мороз, скандалы, треск...
Еще люблю я у экрана
Вздремнуть, забыв, что завтра рано
Вставать, не думать ни о чем;
Ты тронешь нежно за плечо...

И хоть любовь не безопасна:
Порой в ночи мелькнет неясным
Напоминанием капот,
Как ворон у Эдгара По...
Щекочет нервы мне опасность,

И радует любая весть:
Ведь это жизнь! Она прекрасна!
Я принимаю всё как есть!

...

Какие могут быть надежды,
Когда уже приходит ночь!
Я тронул край таеи сдежды
И побежал поспешно прочь...

Как я спешил! Метро закрыто?!
Стоит скульптура Ильича.
Еще одна мечта разбита!
В твоём окне горит свеча.

О ночь! Кошмар и тихий ужас!
Аптека. Улица. Подъезд.
Плакат висит внутри... снаружи...
Безумье... Съезд КПСС...

Живи еще хоть век! Коломна...
Все будет так. Исхода нет!
Луна горит вдали, как домна.
Семерка. Тройка. Туз. Валет.

ОДА ДАНТЕСУ

Убит поэт! — невольник чести...
Ах, нет! Рука еще дрожит.
На Черной речке в темном месте
Поэт без варежек лежит.
В карете скорой Геккерена
Доставлен вскоре он домой.
И всех прощает непременно
(Как по-христиански, боже мой!):
Врага — за то, что тот ударил,
Друзей — за то, что не пришли,
Жену, детей, княгиню Дарью...
Лежит поэт... Убит. Пришит.

А тот, когда ему сказали,
Что он прощен, сказал: Польщен! —
Расхохотался (вы не знали?)
И был нисколько не смущен.
Разжалован. В своей карете
Спешит в Париж, к себе домой!
С простреленной рукой. В жилете.
И с непокрытой головой.
Не стяннут музейной скукой.
Сенатор. Принц. Вперед! Вперед!
Ты прав, Дантес: поэты — суки!
Я всех бы их стрелял в живот!

НОЧЬ В ОКОННОЙ РАМЕ

В оконной раме ночь. Ее
Нарисовал неведомый художник,
Наивный, как таможенник Руссо,
Безжалостный и чувственный безбожник.

Где он сейчас? Не все ли вам равно?
Рисует день на солнечном Таити...
Играет в бридж в парижском казино...
И славы ждет... Но где ж она, простите?!

Мне нравится его манера ночь
Изображать холодной пустыней,
Покинутой, как женщина, точь-в-точь.
Он знает в этом толк. Глядишь и сердце стынет.

Когда бы с ним мне удалось в контакт
Вступить, я б заказал портрет одной знакомой.
Пожалуй, ню. Пусть на диване так
Лежит она и вдаль глядит с истомой.

...

У гостиницы девочка тонко
Мне сказала: Пойдем в номера...
А на двери висела заслонка.
И стоял неприступный швейцар.

Он сказал: Здесь одним иностранцам! —
Этим он меня очень смутил.
Я спросил: Разрешите на танцы? —
И швейцара пинком угостил.

Вышиб дверь я ногою по-русски!
Вижу — красный бежит офицер...
Я один... Нет мсей андалузки!
Сделал ноги под арку... и в сквер.

Только видел, мелькнули погоны...
Чье-то вслед раздавалось "ура"....
Я бежал аж до самой Вероны!
Кто поможет?! Кругом фраера!

...

И снова, презирая правила и прозу,
Я говорю: На кой вам ляд размер?!
Вот гроб стоит, на гроб положим розу
И кровью на гробу напишем: "СССР".

Красиво, черт возьми! К чему чередованья
Расплывчатых слогов и гласных полумер?!
Четыре четкие зияют, как воззванье...
Угрюмый гроб и грациозный герб.

Вернуть звучанье зыбкому названью
Страны, что карту покрывает, словно плед,
Бессильны вы в убогих излияньях,
И это делает изломанный эстет.

Вот коммунизм — измена с первой встречной,
В извивах музыки змеящийся оргазм!
Вам холодно? Накиньте флаг на плечи
И пойте гимн до хрипоты и спазм!

А завтра вновь пленительного плана
Наступит опьяняющий туман.
Рабский у станка — курильщик плана!
А я — простой советский наркоман!

• • •

То белый то черный
то черный то белый
то Блок то Цветаева
то Вознесенский
равнинный и горный
и робкий и смелый
Каверин Катаева
Лева Успенский
а может быть горький
а может голодный
а может быть бедный
от веры холодной
под музыку Брамса
споткнулся и — хармс!

МАГНОЛИЯ

Когда воспеваю абсурдность мира
Я стану курдом из Ирана
И променяю струны лиры
На томик Сунны и Корана
Когда устав от аромата
Духов и гари городов
Я горлом гаркну: Кавабата
Акутагава Соловьев
Панмонголизм! Хоть имя дико
И встав ногами на комод
Я закричу О Светлоликий
Я твой пророк я Мухаммед!...
Восток! Магнолия цветет
Цветок загадочный и странный
Но Шаганэ меня не ждет
Закрыв лицо чадрой туманной
И все равно уйду на юг
Кавказ он выше всякой дряни
Как я устал от вечных вьюг
Я — гений хоть и северянин!

...

Все окна распахнуты. Шум без названия,
Полуденный злой, как трамвайная дробь.
А помнишь признание, страх и раскаяние
При слове, впервые звучащем: "любовь"?

А раньше, когда не звучало и не было,
Что было тогда? Только хаос и мрак.
И жизнь, начиная с осеннего неба,
Была просто серый и гнусный бардак.

Потом разлюбила. Порвала. Уехала.
Забытые шпильки упали крестом.
И имя твое для меня, словно эхо,
Звучало порой в совпаденьи пустом.

Но в мире, где любят слепые и нищие,
Себе в утешенье создав этот вздор,
Где дух эллинизма, как сифилис Ницше,
Приводит в казенный пустой коридор,

Проходит любовь, как дымок крематория,
В душе оставляя тоску лагерей,
Проходит любовь, как проходит история:
Сожженные письма, сожженный еврей...

Не жду, засыпаю, звонка телефонного,
И вдруг раздается... "Как слышишь? Привет..."
Минуты и дни я считаю от того.
И все, что ты скажешь — мой Новый Завет.

Нам время пророчит морщины на лица и
Смерть, что похожа на гаснущий свет.
И я зажигаю костры инквизиции!
Я знаю, Земля не вращается! Нет!

МОИ СТИХИ ЕМУ, ЛЕЖАЩЕМУ В БОЛЬНИЦЕ

Мои стихи ему, лежащему в больнице.
Как нежен его взгляд! Как тонок жест руки!
Свободный, как полет той перелетной птицы...
Но речь его полна надрыва и тоски.
Мои стихи ему, во мгле на Арсенальной,
Как аромат *Fidji*, тревожит жуткий смрад...
Есть больше, чем тоска. Но я такой печальный.
Есть больше, чем любовь. Но я чему-то рад.
Есть больше, чем кошмар!... Но я не отвечаю.
Не менее, чем рай. Не более, чем ад...

Пусть он их не поймет. Ведь я сошел с дороги.
На воле целый год... а может быть, в тюрьме?!
О, ангел на игле!... Но это не для многих...
Мои слова к тебе. Услышь меня во тьме.

...

ПОСЛУШАЙ, МИЛАЯ, КАК НЕЖНО СЛОВО "БЛЯДЬ"

Послушай, милая, как нежно слово "блядь".
Улыбка легкая. И встреча в электричке.
Вокзал. Подъезд. И смятая кровать.
И горький дым едва сторовшей спички.
Помеда губ едва коснулась лба.
Ты тронута. И я как будто тронут.
Изгиб руки, как будто это Бакст.
И зло цветов. И черная мадонна.
И ладан дна. И дно. И пить до дна.
И жесткий скрип старинного дивана.
И лить вино. И быть совсем одна.
И жуткий том Биле де Лиль-Адана.

.....

.....

Послушай, грустно как. Как грубо слово "мать"!
С венком прстертые каменные руки.
И страшно мне. Кто сможет нас понять?
И наши встречи. Смерть. И боль разлуки...

...

Меня волнуют черные чулки,
Которые опять как-будто в моде,
Духи твои и кисть твоей руки,
Как лилия, и что-то в этом роде.
Меня волнует золото кольца
И острый ноготь в ярком маникюре,
Помада губ и мистика лица,
И-грусть любви, и грудь твоя в натуре.
Меня волнует голос твой в ночи...
Как черный бархат обнимает тело
И трогает. И южный воздух чист.
И твой порыв бесчувственный и смелый.
Меня волнует холст твоих плеч,
Как белый снег во мраке южной ночи,
И пляж пустой, где всюду можно лечь.
И моря шум. И гул ночного Сочи...
Но что сказать? Вокзальный ресторан
Вульгарной музыкой заманивает пары.
И тень твоя упала на фонтан:
Тебя в ночи высвечивают фары.
У дальней пристани белеет пароход.
И скука Лондона. И ветренность Парижа.
И эта музыка... Меня никто не ждет.
И ты, как Англия: не дальше и не ближе.
Как в черной "Волге" брошенный "Playboy"
Какой-то шик открыть в глуши рискует,
Так море Черное я оправдал тобой,
То Гельдерлин, то "*Golden Ring*" рифмуя.

....

Ты легла на диван, не прервав разговора,
И глядела с тоской в фиолетовый мрак,
И вина налила, и рукой отодвинула штору.
И закат угасал, словно вянувший мак.
И во мгле, в зеркалах, ядовитую ртутью
Наполнялся напрон твоих розовых ног.
И сквозь траурный шелк обнаженной сутью
Вдруг обрушилась грудь... И я изнемог.

И диван. И закат. И тяжелые тучи,
Словно "Ленин в Разливе". И что-то еще.
И похотливый визг грязной суки при случке...
Дверь в конце коридора открыта, но вход воспрещен.
Красный бархат стола. И казенные урны.
Словно ты депутат, и я только что выбрал тебя...
Ты смеешься во мгле как-то странно вульгарно и хмуро:
Ты не веришь, что выбор был сделан любя.

"С А Й Г О Н"

Чужого слова звук родной:
Одна другой кивнет столица...
Как трудно в юности одной
Идти на дно и не влюбиться!

Сэй Сенагон. Тоска. "Сайгон"...
Нет. Только привкус легкой скуки.
Всё в прошлом. Это только сон.
И надоедливые звуки.

"Сайгон". Пугающий уют
И горьковатый привкус кофе:
Здесь крепче ничего не пьют...
И в грязном зеркале твой профиль.

Собор Владимирский во мгле,
Тот, на который я крестился,
Сверкает ангел на игле... -
Я помню всё, с чем я простился.

Не каждый в центре знал иглу,
Чтоб совместить восток и холод.
И только флаги на углу
Напомнят вдруг, что мир наш мелод.

"Сайгон", не признанный, как я,
Собор, что был вчера развенчан,
И кофе жгучий, словно яд...
Случайный взгляд случайных женщин...

Мне все равно теперь к кому,
Куда и с кем, и как явиться,
Но лучше все же одному:
Кто знает, что еще случится...

...

Твоя неподлинность в душе рождает слезы,
Как будит чувственность очерченность бедра
И выпуклость груди под платьем из вискозы,
Когда капрон чулка скользит о жесткий драп.

Ты так неопытна. И жест твой так подделен,
Что скрыть не может фальшь свою и ложь,
Как этот шелк искусственный на теле
Не может скрыть ни грудь твою, ни дрожь.

Ты юная, но ты уже другому...
С другим. Другими. Мне. Или другим...
Твои глаза влекут меня, как омут,
Когда с лица стирают губы грим.

В твоих руках журнал с последней модой
Блестит, как зеркало — ты отразилась в нем.
Неотразимость... Странная свобода:
Учить, как школьнице, и выучить прием.

Ты так искусственна... Но самое простое —
Сказать, что ты, как та кинсзвезда:
Ее улыбка ничего не стоит,
Но стоит слишком много иногда.

...

И опять я вспомнил коридоры,
Где бы лучше поняли меня...
Я иду со странным чувством вора
В темноте без веры и огня.

Ты проходишь мимо в темном платье,
Словно тень бесплотна и тиха.
Но и это — больше, чем объятья:

Привкус смерти в импортных духах.

Нервный шаг. Простой платок с узором.
И холодный и пьянящий смех,
Как свободный танец Айседоры,
Обречен на гибель и успех.

Ты проходишь мимо, в этом дело!
Я твоих не тронул даже рук!
У тебя безропотное тело,
Но в глазах — сомнение и испуг.

Может быть, слова моей молитвы,
Или чуждый блеск безумных глаз
Для тебя, как блеск холодной бритвы,
Или шприц — тому, кто в первый раз...

Может быть... Но твой платок с узором...
И холодный и пьянящий смех
В темноте казенных коридоров
Предвещают гибель и успех.

СВИНЦОВОЕ ЭХО
(из Г.М.Гопкинса)

Как удержать — есть ли какой-нибудь, ни будь какой, никакой,
какой такой бант или болт или бинт или винт, виньетка,
узор или зажим, замок какой, чтобы мог
Удержать красоту, вернуть эту красоту, ту красоту, красоту...
вернуть назад?

О могут ли исчезнуть эти морщины, эти четко прочерченные
морщины,

Прочь? и не виться эти страшные призраки смерти, кружащиеся
и крадущиеся призраки, пугающие взгляд?

Но никому, никому, О нет никому,
И тебе не удастся быть такой, как теперь, прекрасной
И делать все, что ты хочешь, все, все подряд,
И изощренность ущербна и напрасна:
Пойми; и даже ценой страшных мук

Не вернуть назад
Былое и боль, и блеск волос атласных,

Морщины, следы оргий, умирания, мощи, грязные простыни, стоны,
вонь, саваны, ванны в морге, тление и распад;

Так пойми же, пойми, все напрасно.

О никому; нет нет нет никому:

Пойми же, все напрасно, всё напрасно,

Напрасно, напрасно, напрасно, напрасно.

.....